

Егор Калинин

**Архивариус.
Пальмовые
листья судьбы**

18+

Егор Калинин

**Архивариус. Пальмовые
листья судьбы**

«Автор»

2026

Калинин Е.

Архивариус. Пальмовые листья судьбы / Е. Калинин — «Автор», 2026

К архивариусу Олышанскому обращается молодой студент, предъявляя странный артефакт — обрывок древнего пророчества, начертанный на пальмовом листе. Вскоре становится ясно, что этот фрагмент — лишь малая часть скрытого послания. Чтобы разгадать тайну до конца, герои снаряжают экспедицию к святилищу Шивы. Преодолев череду опасных приключений и суровых испытаний, исследователи достигают цели и обретают доступ к полному тексту предсказания, проливающему свет на грядущие события.

© Калинин Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Егор Калинин

Архивариус. Пальмовые листья судьбы

Глава 1

Глава 1 Предсказание

Юноша привычно прижимал тубус, атрибут знакомый каждому посетителю легендарной Ленинки, как в народе называли Российской государственную библиотеку. Миновав величественный марш ступеней, он направился к посту сотрудника Росгвардии, растворяясь в тишине огромного здания.

По предъявлении заказа на пропуск Александр Олегович Токарев проследовал в назначенный ему зал в архиве, где его уже ждали.

- «Скажите, где я могу найти Ольшанского?» - обратился он к проходившей мимо книгохранительнице. Его голос громом прозвучал в мертвой тишине величественного зала архива. Женщина от ужаса расширила глаза и поспешно приложила указательный палец к своим губам, но было слишком поздно. Из-за стола поднялся, грозно нахмутив густые брови, доктор исторических наук Казимир Владимирович Ольшанский.

В его глазах мелькнул безмолвный вопрос: «Как мог этот смертный дерзнуть нарушить тишину святыни?» Его спасло лишь то, что мгновенно, словно ища прощения, он начал горячо объяснять:

- «Алла Викторовна Шарова. Она преподает психологию в нашем университете. Она звонила вам. Лицо Ольшанского, до того напряженное, мгновенно смягчилось. «Ах, Аллочка!»

Память Ольшанского, подобно гигантскому компьютеру, вмещала в себя огромное количество архивных текстов. Но в суете повседневности его разум, отсеивая всё, что считал незначительным, словно фильтр, пропускал лишь самое важное, оставляя за бортом мириады мелких событий.

Вчера Ольшанского разыскала Алла Викторовна Шарова, жена его давнего друга. С ноткой тревоги в голосе она попросила его уделить внимание одному из своих студентов, отнестись к делу с предельной серьёзностью.

- «Итак, юноша, что у вас?» - Ольшанский протянул руку, словно готовясь к очередному откровению. Он привык к потоку людей, что несли к нему так называемые древние рукописи - чаще всего лишь неуклюжие подделки, купленные доверчивыми искателями древностей на пёстрых азиатских базарах.

Александр, спешно раскрыв тубус, извлёк несколько узких, длинных листов, бережно завернутых в тонкую белую бумагу. Ольшанский, взяв в руки один из свитков, задумчиво провёл ладонью по лбу. Александр, пытаясь прорвать возникшую тишину, начал объяснять...

- «Понимаете, я специализируюсь на востоковедении и досконально знаю языки, используемые в Индии. Эти тексты – индийские, это уж точно. Но это не хинди и не маратхи.»

Ольшанский оторвал взгляд от причудливых листов.

- «Боюсь ошибиться, но полагаю, это санскрит. Один из древнейших языков, когда-либо звучавших на Земле. Его поэтично называют "языком богов". Увы, я им не владею, но найти того, кто сможет это перевести, думаю, не составит труда.»

Они покинули сумрачный архив и направились в лабораторию при библиотеке. Заведующим лабораторией был его давний коллега, Ефим Анатольевич Сазонов.

- «Слушай, Фима, - Ольшанский протянул узкий лист Сазонову, - надеюсь это не пустые мечты, но похоже, перед нами санскрит. И, ей-богу, на подделку это не тянет».

Сазонов, надев стерильные латексные перчатки, осторожно взял лист за края. Понес его к своему лабораторному столу, где подобно алхимику, склонившемуся над ретортами и колбами, принялся колдовать над древним артефактом. Спустя некоторое время он протянул лист обратно Ольшанскому.

- «Это, вне всяких сомнений, органика, - произнес Сазонов, задумчиво потирая лоб, покрывшийся испариной. - Пальмовый лист, покрытый каким-то составом. И если радиоуглеродный анализ не врет, что случается редко, то этот текст нанесен на лист еще до рождества Христова. Более точный ответ смогу дать только после компьютерного анализа. Казимир, признавайся, откуда это у тебя?» - не унимался Сазонов, Ольшанский махнул рукой: "Отстань". Тот тяжело вздохнул, чувствуя, как зависть обжигает изнутри. "Почему всё самое ценное всегда достаётся только тебе?"

Ольшанский, словно не слыша упрёков, положил перед Сазоновым несколько узких, длинных листов.

- «Сколько времени тебе понадобится, чтобы это перевести?» - голос его звучал ровно, но в глазах мелькнул огонёк предвкушения.

-«Как только закончу, сразу принесу тебе», — ответил Сазонов, и в его глазах загорелся ответный огонь. С бережностью, он взял листы и понёс их к своему рабочему столу, предвкушая новое открытие.

- «Придется вам, юноша, кое-что объяснить,» — обратился Ольшанский к Александру.

Александр никогда не знал своего отца. Со слов матери, Елены Егоровны Токаревой, её юношеской любовью был одноклассник Олег Долгополов.

Покинув школьные стены, Олег продолжил образование в Университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Окончив университет, Долгополов, связав себя узами брака с однокурсницей из Индии, которая, как оказалось, была дочерью раджи княжеского рода, отправился покорять просторы этой экзотической страны, где и продолжил свою карьеру. Спустя пять долгих лет Олег вернулся, но ненадолго. Прежние чувства вспыхнули с новой силой. Олег и Лена провели вместе лишь одну ночь, и спустя девять месяцев на свет появился их сын Саша.

Перед отъездом Олег оставил Лене исписанные санскритом листы, дав обещание вернуться. С тех пор и до сего дня, несмотря на все старания, включая обращение в МИД, о судьбе Долгополова так и не поступало никаких известий.

Все это и рассказал Александр Ольшанскому. В кабинет, где они сидели, влетел взъерошенный Сазонов.

- «Не представляю, как к этому относиться, - пробормотал он, - но послушайте, как это звучит. Правда, перевод сделан максимально близко к оригиналу и адаптирован для европейского восприятия.

...В тишине древних храмов, под шепот сидящих в медитации мудрецов, рождаются эти пророчества. Грядет эпоха, когда разум людей помутится. Матери прервут течение жизни своих нерожденных младенцев. Земля станет ценна лишь как вместилище подземных богатств, а истинное достоинство начнет измеряться одним лишь звоном монет. На большом континенте посреди океана человечество выпустит на волю невиданные недуги, уносящие миллионы жизней. Вслед за этим морские течения остынут, и континент покроется льдом, обратив земные сокровища в ничто. Начнутся землетрясения, и многие территории уйдут под воду. Запад погрузится в смуту, а Восток возвысится как новая светоч. Когда небо заполонят железные птицы, с севера явится могучая сила, способная низвергнуть ложных правителей. Древний символ Севера, могучий медведь, обретет поддержку в землях слонов и тигров, принесет миру обновление и истинную справедливость. И тогда наступит золотой век, период истинного духовного пробуждения.»

Кабинет погрузился в тишину. Первым нарушить её попытался Ольшанский, но внезапно сжавшееся от волнения горло выдало лишь хрип. Откашлявшись, он выдавил: "Ефим Анатольевич. Насколько, по-вашему, этот текст адаптирован к европейскому восприятию?"

Сазонов лишь развёл руками. "Санскрит - язык, глубоко уходящий корнями в индийскую философию, сложный. Но суть передана точно. Всё, что я могу сказать, исходя из своего опыта работы с санскритом, это то, что перед нами явное не завершённый текст. Должно быть продолжение."

Александр растерянно перевёл взгляд на Ольшанского. "Но у меня больше ничего нет."

Глава 2

Глава 2 Другого выхода у вас нет

Сазонов, выйдя из кабинета Ольшанского, направился к своей лаборатории, а в голове его настойчиво прокручивалось странное послание – неизвестно от кого и неизвестно кому. Смысл загадочных иносказаний, пусть и витиеватых, улавливался им без труда. Аборты, Гольфстрим год за годом теряющий тепло, словно предвещающая беду. Недра Земли хранящие богатства, большой континент, возможно, Америка. Нас терзают страшные болезни: СПИД, ковид, и те, что порождены чудовищными экспериментами с биологическим оружием. А землетрясения? Когда же стихия обрушится на целые страны неся гибель, и что это за страны? Идентификация «железных птиц» как дронов представляется очевидной. Однако концепция «золотого века» вызывает особый интерес. Ключевым моментом является определение местонахождения заключительной части текста. Там может содержаться информация, способная радикально трансформировать наше понимание будущего, а также отношение тех, кто первый столкнется с ним.

Научная карьера Сазонова и Ольшанского началась примерно в одно время, но их пути быстро разошлись. Ольшанский оставил далеко позади Сазонова по количеству научных работ, а недавно Казимир Владимирович еще и блестяще защитил докторскую. Сазонов же видел в Ольшанском не только успешного коллегу, но и настоящего везунчика. Этому способствовало и благосклонное отношение академика Яворского, который явно выделял Ольшанского как своего любимого ученика. Нельзя было игнорировать и несравнимо более высокие финансовые возможности Ольшанского. Показательным примером служит нашумевшее в определенных кругах дело о наследстве правнука промышленника Второва, в котором Ольшанский сыграл заметную роль.

Сазонов же зарабатывал на том, что, получая старинные рукописи или артефакты, убеждал клиентов в их поддельности. Затем он приобретал эти предметы за бесценок и перепродавал коллекционерам, которые были в них заинтересованы. Сазонов осознавал огромный риск: рано или поздно его позорный бизнес мог вскрыться. Но, ступив на эту стезю, он уже не мог свернуть. К тому же, дело приносило неплохие деньги, которые были ему крайне необходимы.

Главной болью его жизни была дочь – настоящая оторва. Недавно ее задержали при попытке продажи наркотиков. Спасла ее лишь влияние одного из клиентов Сазонова, которому тот поставлял древние манускрипты. Иначе дочери грозил бы пятнадцатилетний срок в Мордовской колонии. Однако эта услуга имела свою цену: клиент мог потребовать ответной услуги, и одна мысль об этом приводила Сазонова в ужас. Дочь же тем временем в третий раз легла в наркологическую клинику, и судя по всему, это был далеко не конец их истории.

Предсказание на санскрите, очередное проявление случайности в непрерывном потоке событий, не вызвало у Сазонова прежнего удивления. Как и в предыдущих случаях, именно к Ольшанскому обратился студент. Между тем, подобные инциденты имели потенциал кардинально изменить научную карьеру ученого и обеспечить ему международное признание.

Через два часа раздался звонок. На другом конце провода был тот самый клиент, спаситель его дочери. Голос его, не терпящий возражений, пригласил Сазонова вечером на «рюмку чая».

«Помянешь нечистого, так он тут же и объявится,» – промелькнула мысль. Ничего хорошего от этого визита он не ожидал.

- «Как ваши дела, Ефим Анатольевич? Как дочь?» – прозвучал голос хозяина огромного загородного особняка. Роману Кирилловичу было за шестьдесят, и он говорил с той неспешной уверенностью человека, чьи слова имели вес, а желания исполнялись без промедления.

- «Ефим Анатольевич, не стойте. Присаживайтесь, налейте себе что-нибудь.»

Сазонов, словно утонув в массивном кожаном кресле, взял первую попавшуюся бутылку. Несколько судорожных глотков – и ничего. Ни аромата, ни вкуса, лишь жгучее ощущение в горле.

- «Эко вас накрыло, любезный», - сказал собеседник с ноткой сожаления. - «Вы ведь знали, что я попрошу ответную услугу, равную по значимости оказанной.» Сазонов молча кивнул, не найдя слов.

- «Речь пойдет о Евангелии, — продолжил он, — об Остромировом Евангелии.» У Сазонова пробежал холодок по спине, и на лбу выступил пот. Остромирово Евангелие - самая древняя рукописная книга Древней Руси. Она была написана в 1056 году по приказу новгородского посадника Остромира. В наши дни эта уникальная рукопись хранится в «Ленинке».

- «Но это невозможно,» — выдохнул Сазонов, его голос сорвался на хрип.

Роман Кириллович, сдвинув брови, впился взглядом в собеседника.

- «Невозможно было вызволить вашу дочь из СИЗО, снять с нее все обвинения и вернуть вам. Или вы считаете это неравноценным обменом?»

Воздух вокруг словно загустел, сдавливая грудь Сазонова. Пауза затянулась.

- «Поэтому, уважаемый, давайте каждый будет держать свое слово. Тем более что вы уже имели дело с подобными...» - он запнулся, ища нужное слово, - ...операциями. Да, я знаю о вас многое.»

В памяти Сазонова вновь всплыл недавний гешефт с одним известным ресторатором. Ефим Анатольевич достал из архива рукописный старинный рецепт изготовления водки «Смирнов», сделал копию с помощью знакомого каллиграфа, искусственно состарил её в своей лаборатории и положил на место оригинала, а сам оригинал продал ресторатору. - «Но это всего лишь листок с рецептом, а не старинная раритетная книга, которую сразу же хватятся.» — Роман Кириллович досадливо поморщился раздражённый необходимостью объяснять очевидное. - «Ефим Анатольевич, согласитесь, что цена за услугу, которую вы получили авансом, несоизмеримо выше. Давайте закончим этот бессмысленный разговор, тем более что другого выхода у вас нет.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.